

В социалистической доктрине утверждалось, что только Советам принадлежит полнота государственной власти, все остальные органы прямо или непосредственно формируются Советами (исключение делалось, например, для народных судей, избравшихся гражданами), подотчетны и подконтрольны им. На практике, в условиях административно-командной системы, Советы подменялись партийным аппаратом, исполнительными органами. Не имея материальной базы, финансов, местные Советы зависели от ведомств, от расположенных на их территории предприятий.

Анализируя практику ряда государств, в частности Великобритании, ФРГ, Италии и других, ученые отмечают нарушения доктрины разделения властей и в указанных странах (совмещение мандата министра и парламентария, назначение президентом членов верховного суда, утверждение верхней палатой парламента многих должностных лиц исполнительной власти и др.). Это значит, что ни в одной из стран доктрина разделения властей в «чистом» виде не осуществляется.

Исторический опыт показал, что теория разделения властей неосуществима в полном объеме. Она может быть реализована не в виде непроницаемых перегородок между различными сферами деятельности государства, а в плане общего принципа, руководящего начала, которым следует оперировать при создании структуры государственных органов и определении их полномочий. Практика свидетельствует о взаимосвязи, взаимопроникновении тех или иных полномочий государственных органов. Однако необходимо разграничить методы и сферы юридической деятельности различных государственных органов. Обычно выделяют четыре способа, вида деятельности государственных органов по осуществлению единой государственной власти: законодательство, управление (исполнение), правосудие, контроль. Причем ни один из этих видов деятельности не может быть полностью изолирован от остальных. Создавая систему властных механизмов обеспечения верховенства закона, мы и должны учитывать всю сложность и неоднозначность осуществления принципа разделения властей.

¹ Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 3.

² Там же. С. 5—6.

³ См., напр.: Тихомиров Ю. А. Закон в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право. 1988. № 10. С. 8.

⁴ Советское законодательство: пути перестройки. М., 1989. С. 21.

⁵ См.: Барпашов А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.

⁶ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 21.

⁷ См.: Чиркин В. Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. 1990. № 8. С. 9.

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕЧИ СУДЕБНОГО ОРАТОРА

Одной из основных задач правосудия, определяющей структуру и форму судопроизводства, является поиск и установление истины, что всегда представляет собой творческий процесс, предполагает борьбу противоположных мнений. Это и делает судебные прения одной из важнейших частей судебного разбирательства, поскольку именно здесь достигается кульминация столкновения процессуальных интересов, противоборствующих сил, через которые только и мыслимо движение к истине.

Судебные прения, где их участники выступают с речами, требуют от них не только высокой правовой подготовки, но и знания законов логики, так как «только соблюдая правила логики, оратор может сделать правильный вывод. Всякое же нарушение их приводит к ложному выводу, избранию неправильной позиции по делу»¹.

Теорией оратороведения разработан ряд методов построения публичного выступления: дедуктивный, индуктивный, аналогии, концентрический, ступенчатый и др. Все эти методы приемлемы и к построению речи судебного оратора.

Используя дедуктивный метод построения судебной речи, когда мысли следуют от общего положения к частному выводу, судебный оратор произво-

дит доказывание отдельных фактов, сторон, преступного деяния. Для этой цели им применяются правила формальной логики о построении различного рода силлогизмов: от простого категорического силлогизма до таких его разновидностей, как энтимема, полисиллогизм, сорит, эпихейрема и ряд других. Необходимость применения дедуктивного метода в судебной речи станет очевидной, если учесть, что, во-первых, вывод частного из общего также является определенным новым шагом в познании фактов объективной действительности, поскольку само общее не обязательно выводится путем изучения всех частных, а лишь как закономерность. Значит, подводя под общее частный случай, мы приходим к такому выводу, который, возможно, вовсе не принимался во внимание при выведении общего (даже в том случае, когда из общего выводится частное, которое принималось во внимание при формулировании общего). Происходит расширение (приращение) знания, так как до вывода мы знали просто о факте существования частного, а после вывода получаем знания о его необходимом существовании и об интересующих нас аспектах частного. Во-вторых, общее, приводимое судебным оратором в качестве большой посылки, не обязательно формулировалось, устанавливалось (и даже известно) всем слушателям, поэтому и само общее и особенно выведенное на его основе частное (т. е. результат умозаключения) всегда будет служить средством информации, расширения знаний, убеждения, а в конечном итоге, важным средством доказывания, применяемым судебным оратором. Таким образом, сущность дедуктивного метода в судебной речи выражается в том, что судебный оратор выдвигает определенный общий тезис, разъясняет его, аргументирует другими посылками и, наконец, как бы вместе со слушателями идет к частным выводам, дополняя и разъясняя общее положение. Этот прием, на наш взгляд, очень удачен при юридическом анализе преступного деяния, его квалификации, формулировании выводов о виде и размере наказания и т. д. Используя дедуктивный метод, судебному оратору легче объяснить присутствующим в зале судебного заседания лицам сущность применяемых судом правовых норм, обеспечить превентивные и воспитательно-информативные функции судебного выступления.

Индуктивный метод построения судебной речи заключается в движении знания от единичного (частного) к общему суждению. Индукция выступает как определенная логическая форма, т. е. такая устойчивая связь мыслимого содержания, в которой отражается и фиксируется восхождение мысли от менее общих положений к более общим². Индукция является более простым и часто употребляемым приемом построения судебной речи, чем другие. В конечном итоге любая судебная речь, взятая в целом, являет собою пример индукции: от множества частных положений, суждений, фактов судебный оратор в заключение переходит к формированию общего и главного вывода о виновности или невиновности подсудимого. Более того, излагая материал своего выступления индуктивным способом (как впрочем и любым другим), судебный оратор, по сути, имитирует индукцию, ибо тот общий вывод, к которому он как бы приведет слушателей через цепочку отдельных частных доказательств, самому судебному оратору известен заранее. Вот почему все логические приемы доказывания служат главным образом для демонстрации метода, пути познания, для демонстрации правильности процесса познания.

При построении судебной речи чаще всего применяется неполная индукция, которая отличается от полной тем, что в доказательство общего приводятся не все составляющие его частные факты, а лишь максимально возможное (известное) их количество. Конечно, более предпочтительной была бы полная индукция, где вывод — всегда категорическое суждение. Вывод же при неполной индукции носит вероятностный характер. Тем не менее вероятность неполной индукции ни в коей мере не умаляет ее доказательственного значения. Вероятностность индуктивных умозаключений связана с принципиальной незавершенностью человеческого опыта, с бесконечностью процесса познания, на что особое внимание обращал В. И. Ленин³.

Теорией доказательств в советском уголовном процессе разработаны и научно обоснованы гносеологические и логические основы познания, осуществляемого в уголовном судопроизводстве. Конечная цель такого познания — установление объективной истины. Вероятностные выводы и суждения могут быть использованы (оценены) судом лишь постольку, поскольку они способствуют установлению достоверного знания, имеющего значение объективной истины. Истина, достигаемая в уголовном судопроизводстве, является объективной, однако она не может в силу неисчерпаемости познания быть полной (и в этом смысле абсолютной). Неполный ее характер ни в коем

случае не может быть истолкован как догадка, вероятностное предположение. Вот почему при пользовании методом индукции судебному оратору следует строго руководствоваться формально-логическими правилами применения этого метода, избегать ошибок, которые могут привести к ложным выводам, таких, как «поспешное обобщение», «после этого, следовательно, по причине этого» и других.

Следует отметить, что в судебной речи всегда наличествует диалектическое единство индукции и дедукции. Эти две стороны единого процесса познания ни в коем случае нельзя противопоставлять, так как их объективной основой является взаимосвязь отдельного и общего. Судебный оратор, используя метод дедукции, в качестве общего положения может взять то общее, которое ранее само было получено из частного, т. е. методом индукции и наоборот. «Индукция и дедукция, — писал Ф. Энгельс, — связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упустить из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга»⁴.

Метод аналогии представляет собой форму получения определенного вывода таким способом, когда в результате сходства явлений в одних признаках делается вывод об их сходстве в других. Судебным оратором в речи могут использоваться различные разновидности аналогий: *каузальная* (когда делается вывод об аналогичности явлений, порождаемых одинаковыми причинами); *аналогия следствий* (когда основанием вывода по аналогии служит аналогичность причин, а сам вывод заключается в переносе информации об одном из следствий причины на другое); *функционально-структурные, структурно-функциональные* и ряд других. По нашему мнению, наиболее эффективно применять метод аналогии в судебной речи целесообразно при анализе причин и условий, способствовавших совершению преступления, при рассмотрении общественно-политического значения дела, иногда при характеристиках подсудимых (потерпевших и др.). Хорошие результаты дает применение аналогии и для того, чтобы лучше пояснить мысль, сделать речь оратора более доходчивой, яркой, образной. Пользуясь методом аналогии, судебный оратор должен следовать, по крайней мере, трем основным правилам: «1) аналогия должна основываться не на поверхностных признаках явлений, а на их существенных свойствах; 2) общие свойства явлений должны характеризовать явления с различных сторон; 3) в процессе умозаключения по аналогии следует устанавливать не только сходство, но и черты различия явлений»⁵.

Вместе с тем судебному оратору следует помнить, что, будучи хорошим средством для формирования тех или иных подлежащих дальнейшему исследованию положений, аналогия неприменима для доказательства и опровержения тех или иных фактов. Аналогия, являясь инструментом познания, помогает установлению истины в уголовном судопроизводстве, но никогда не может выполнять роль основного или единственного средства для ее установления. В уголовно-процессуальном доказывании аналогия, в силу этого, может рассматриваться как вспомогательный прием.

Концентрический метод построения судебного выступления представляет собой такую систему, при которой все изложение строится вокруг единого центра, своеобразного «ядра» судебной речи. Таким единым центром, как правило, бывает главная мысль, основной вывод судебной речи или ее отдельной части. Эта мысль проходит как бы лейтмотивом через всю речь (или ее часть). Судебный оратор многократно возвращается к главной мысли, повторяет, оттесняет ее, а затем окружает ее цепочкой аргументов, доводов. Представляется, что концентрический метод в судебной речи наиболее применим и эффективен тогда, когда судебному оратору необходимо подчеркнуть, сделать более выпуклой основную, «сквозную» мысль всего судебного выступления.

Судебное выступление не может полностью строиться концентрическим методом, так как он наиболее удачно применяется лишь в определенной информационной части судебной речи, например, в той части, где судебный оратор группирует все доказательства вокруг главного факта: вывода о виновности (невиновности) подсудимого. Вся судебная речь, как правило, строится на основе ступенчатого метода, когда судебный оратор последовательно излагает содержание речи, переходя от одной ее ступени к другой. Это сообщает речи последовательность, логическую стройность.

Используя указанные методы, законы формальной логики (тождества,

противоречия, исключенного третьего и достаточного основания), руководствуясь общими принципами и теоретико-прикладными рекомендациями теории судебной речи, выступающий в зале судебного заседания прокурор или защитник может подготовить речь, соответствующую предъявляемым к ней требованиям и функциональному назначению.

¹ Алексеев Н. С., Макарова З. В. Ораторское искусство в суде. Л., 1985. С. 61.

² Михневич А. Е. Введение в методику лекционной пропаганды. Мн., 1982. С. 127.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 542—543.

⁵ Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. М., 1981. С. 160—161.

М. И. САВЧЕНКО

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ — МОРСКАЯ ДЕРЖАВА

(международно-правовой аспект)

Масштабы и темпы современного материального производства требуют все большего количества минерального сырья, а интенсивный прирост населения земного шара вызывает необходимость увеличения пищевых ресурсов. В связи с этим вполне понятен интерес, который человечество проявляет к новым источникам минерального и продовольственного сырья. Исследования показали, что крупнейшим источником минерального и продовольственного сырья является Мировой океан, значение которого для человечества непрерывно возрастает и будет возрастать по мере развития производительных сил, науки и техники. Ученые утверждают, что мировая экономика будущего — это прежде всего экономика Мирового океана. Известный французский исследователь Клод Риффо писал: «Завтра Океан станет столь же необходим для существования людей, как воздух и свет, земля и растения»¹.

Общая масса всех живых организмов Мирового океана насчитывает 20—30 млрд. т. Из них на долю рыбы приходится 500 млн. т., остальную массу составляют моллюски, ракообразные, другие виды животных и морская растительность.

Богат Мировой океан и минеральными ресурсами. По подсчетам ученых, запасы конкреций Мирового океана определяются в 300—350 млрд. т, а их ежегодный прирост превышает годовую потребность мировой экономики в железе, марганце, кобальте и других элементах. Богат океан также химическими и энергетическими ресурсами.

Рыболовство и добыча разнообразных морских животных является наиболее древним и традиционным видом использования богатств Мирового океана. В настоящее время с его громадных пространств ежегодно добывается более 70 млн. т рыбы, водорослей, ракообразных и моллюсков.

В связи с этим в последние годы почти все государства мира в той или иной мере уделяют внимание проблемам, связанным с Мировым океаном. Не остается в стороне от этих проблем и Белорусская ССР, которая будучи членом-учредителем Организации Объединенных Наций принимала участие в работе многих международных конференций ООН по морскому праву. Так, Советская Белоруссия участвовала в I Конференции ООН по морскому праву, проходившей с 24 февраля по 27 апреля 1958 г. в Женеве и принявшей три основополагающие конвенции по международному морскому праву, а именно: Конвенцию об открытом море, Конвенцию о континентальном шельфе и Конвенцию о территориальном море и прилежащей зоне. Белоруссия подписала их 31 октября 1958 г. Все названные конвенции являются действующими.

Белорусская ССР также была участницей II Конференции ООН по морскому праву, проходившей в Женеве в 1960 г., которая рассматривала всего лишь один вопрос — определение ширины территориального моря. Окончилась она безрезультатно, потому что США, Англия и другие западные страны настаивали на 3-мильной ширине, а СССР (в том числе БССР) и другие социалистические страны, отстаивали 12-мильный лимит территориального моря.

Спрашивается, зачем Белорусская ССР — сугубо сухопутная республика — принимала участие в Конференциях по морскому праву? Ведь в то